

С.А. Кочуков (Саратов)

СЕРБО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1876 ГОДА НА СТРАНИЦАХ ВОСПОМИНАНИЙ В.В. ЯЩЕРОВА

УЧАСТИЕ РУССКИХ ДОБРОВОЛЬЦЕВ в Сербо-турецкой войне 1876 г. неоднократно являлось предметом исследования¹. Вместе с тем, среди мемуаров существуют исторические источники, которые позволяют по-новому взглянуть на внутривосточную ситуацию в Российской империи и на Балканах. В отличие от Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., которая активно освещалась в прессе и впоследствии получила широкое отражение в мемуарной литературе, участие русских добровольцев в Сербо-турецкой войне 1876 г. изображалось крайне скупое. Конечно, на страницах периодических изданий красочно описывались подвиги российских волонтеров², но данная информация была далека от истины, так как корреспонденты старались показывать лишь парадную сторону военных действий. Что же касается мемуаров и дневниковых записей, где бы характеризовалась и рассматривалась война 1876 г., то их чрезвычайно мало. Может быть, поэтому сама тема русских добровольцев на Балканском полуострове еще не получила в исторических исследованиях должного освещения. В отечественной историографии этот момент российской истории представлен чрезвычайно однобоко³. Большинство исследователей акцентируют внимание на непосредственно военной стороне деятельности добровольцев, что же касается формирования их взглядов, организации переправки на Балканы, то эти аспекты продолжают оставаться слабо изученными. Исключение составляет, пожалуй, статья Л.В. Кузьмичевой в сборнике «Россия и восточный кризис 70-х годов XIX века»⁴.

Отношение России к самому факту начала освободительного движения на Балканском полуострове было достаточно сложным и противоречивым. Безусловно, значительная часть русского общества, зная о бедственном положении южных славян, всегда готова была помочь и принимала активное участие в добровольческом движении. Об этом, в первую очередь, свидетельствуют пожертвования в пользу братьев-славян⁵, сообщения прессы и т. д. Но были и совершенно противоположные реакции на апрельское восстание 1876 г. В частности, газета «Набат» так определяла свою позицию по балканскому вопросу: «Возбуждающий и поддерживающий восстание славян совершает двойное зло: он обманывает разоренное население восставших мест, заставляя его проливать кровь и разорять еще более своих детей во имя обманчивого обещания ему лучшей доли, которой нет впереди; он бросает и забывает свою обязанность, как русского, бороться со злом дома или, по крайней мере, приготовиться к этой борьбе»⁶. Что же касается позиции официального Петербурга, то его осторожно-сдержанная реакция выразилась в опубликовании в «Правительственном вестнике» документов о «турецких зверствах»⁷.

Однако, несмотря на разброс мнений по балканской проблеме, желающих отправиться «пострадать за веру» и «защитить честной крест»⁸ было много⁹. Также был достаточно пестрым социальный состав русских добровольцев. В составе добровольческих дружин были профессиональные военнослужащие, которые, испросив отпуск у полкового начальства, отправлялись на Балканы, но в большинстве случаев это были люди, далекие от армии: канцелярские служители¹⁰, фельдшеры¹¹, студенты¹².

Среди мемуарного наследия русских добровольцев 1876 г. можно выделить воспоминания нижегородского помещика Василия Васильевича Ящерова¹³. Впервые эти записки были напечатаны в 1878 г. в журнале «Русский вестник». Затем они дважды переиздавались. Первый раз в 2006 г. в сборнике «Русские о Сербии и сербах» были помещены отрывки из этого источника¹⁴. Второй раз (полностью) мемуары В.В. Ящерова были опубликованы в сборнике «Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение 1875–1878 гг.» в 2009 г.¹⁵ Но все эти переиздания выходили в свет без должных комментариев. В ряде исследований мемуары Ящерова упоминались, но их

детального рассмотрения не было. Тем не менее, этот исторический источник важен тем, что в нем Сербо-турецкая война 1876 г. и движение русских добровольцев рассмотрены «человеком из провинции».

Безусловно, желание Ящерова, как и многих других добровольцев, отправиться на Балканский полуостров и принять участие в войне против турок было подогрето выступлениями «народного диктатора» И.С. Аксакова, деятельностью Московского славянского благотворительного комитета, патриотическими публикациями в русской прессе. Вместе с тем, отправиться на театр военных действий было непросто. Губернские жандармские управления согласно циркуляру № 17 от 1875 г. должны были следить за стремлением отдельных представителей русского общества пополнить ряды добровольцев в Сербии и Герцеговине и всячески его пресекать¹⁶. С другой стороны, опять же согласно обзорам губернских жандармских управлений, обстановка в отдельных регионах страны не соответствовала той идиллической картине, которую рисовала русская пресса. В одном из таких обзоров указывалось: «...лучшее общество выражает свое желание, чтобы собравшиеся на политическом горизонте мрачные тучи рассеялись и дали России возможность заняться своими внутренними делами (а их у нас не мало), но для сего нужно полное внешнее спокойствие (а не стоять вечно на страже в полном вооружении), чтобы привести к благу и совершенству все то, что начато и делается на пользу человечества»¹⁷.

19 июля 1876 г. в Нижнем Новгороде был разработан проект по отправке добровольцев в Сербию. Главный вопрос, который был поставлен в этом проекте, касался в основном материальной составляющей, т. е. того, на какие средства добровольцы доберутся до Балкан и на какие средства будут там содержаться. Наряду с этим указывалось: «Если в Турции публично объявляют газават, или священную войну, против неверных, то полагаю, что и русское общество имеет полное право помогать со своей стороны восточным христианам, и наше правительство, наверное, не будет этому препятствовать, лишь бы оно само оставалось в стороне, и дело не носило официального характера»¹⁸. Вероятнее всего именно этот проект и повлиял на решение Ящерова отправиться на войну.

Само отправление в Сербию проходило сумбурно. Это подтверждает в своих воспоминаниях и сам доброволец: «Цель поездки, разлука с близкими, может быть, навсегда, – все это производило в голове такой хаос, что я не в состоянии дать себе отчет в волновавших меня ощущениях»¹⁹. Вместе с тем, если ориентироваться лишь на мемуары Ящерова, то возникает ощущение, что отъезд волонтеров в Сербию был делом легким и даже праздничным. Действительно, как только нижегородский помещик появился в дверях Славянского комитета, так сразу же он был экипирован всем необходимым, кроме того получил деньги на путешествие. Кажущая легкость определялась главным образом тем, что новоявленный доброволец в прошлом был военным, а Славянский комитет, безусловно, был заинтересован получить в ряды волонтеров профессиональных военных. Желавших отправиться на Балканский полуостров было много. Все добровольцы проходили определенную процедуру. Необходимо было направить в Славянский благотворительный комитет прошение. Писались подобные прошения одинаково, а состав волонтеров был достаточно пестрым: от сидельца в лавке до чиновника²⁰. Достаточно большое количество прошений было от женщин, которые хотели работать в среде волонтеров в качестве сестер милосердия.

Однако не стоит забывать, что среди добровольцев было множество всякого рода авантюристов. По мнению многих современников, главным недостатком сербской армии был ее разнородный состав. Протестуя против грубого и бестактного поведения некоторых добровольцев в Сербии, М.П. Драгоманов писал в то же время еще в 1876 г. такие строки: «...наших добровольцев не следует смешивать всех в одну кучу. Были между ними и такие, которые искренно и сознательно шли сложить свои кости за народную свободу, многие из них говорили, как тургеневская Елена, – “что делать в России”? Затем честно и искренно шли крестьяне и значительная часть солдат. Эти шли “пострадать за веру” и защитить “честной крест”»²¹. Ящеров упоминал, что в Кишиневе недосчитались нескольких добровольцев, они просто сбежали с поезда по мере того, как приближались к театру военных действий²².

Мемуары Ящерова также дают возможность проследить, как менялись настроения среди волонтеров. Перед Кишиневом все

без исключения добровольцы были настроены драться до победы. И мемуарист даже сочинил по этому поводу стихи.

Смело, братцы, в бой кровавый.
В бой за веру и Славян!
С нами наш Черкасов бравый;
Разутешим мусульман!

Мы случайно здесь сошлись
С разных мест Руси родной
И пред Богом поклялись
Умереть за Крест Святой²³.

Но сразу же после первого боя восторженных настроений прибавилось. Налицо были нехватка оружия и амуниции, большие потери, отсутствие перевязочных средств и т. д.²⁴

Мемуарист далек от того, чтобы критически отнестись к поведению русских волонтеров. В воспоминаниях нет и намек на глубокую и детальную характеристику добровольческого движения. Фактически на протяжении всего изложения он отмечал, что «добровольцы держали себя прекрасно; ни ссоры, ни брани, ни пьянства»²⁵. Тем не менее, встречаются и совершенно противоположные описания русских волонтеров. В частности, один из офицеров Белевского полка заявлял: «Нельзя сказать, чтобы город был гостеприимен относительно нас. Все смотрели даже как-то не дружелюбно»²⁶. Причина в столь различных характеристиках заключалась, вероятно, в том, что Ящеровым еще владели своеобразные иллюзии. Ему казалось, как в принципе и многим, что достаточно будет перейти границу, оказаться в Сербии и кампания будет закончена. В частности, Ящеров так описывал сам факт перехода в Сербию: «Наконец-то мы стали на сербскую землю! Мы сняли шапки, молча перекрестились... Минута более чем трогательная»²⁷. Однако, ситуация оказалась сложнее, чем представлялось волонтерам.

Безусловно сильной стороной воспоминаний Ящерова является описание той обстановки, в которую попадали русские добровольцы. Мемуарист достаточно подробно характеризует повседневность в Сербии, в то время как в основной массе воспоминаний и дневников присутствует лишь батальная составляющая.

По всей видимости, он оценивал Сербию с хозяйственной точки зрения, так как основную часть своей жизни он провел в деревне и аграрные вопросы сильно занимали его. По словам Ящерова, «...сербское село представляет соединение множества хуторков, расставленных вдоль улицы и разделяемых в больших селениях еще переулками. Общий вид очень красив: белые мазанки с цветными крышами, одетые ползучими растениями... И не расстался бы с таким уютным, приветливым местечком!.. Молочного хозяйства нет. Сливки и масло можно достать только по заказу; зато нет ни одной кучи (так в книге. – *Авт.*), где бы не приготавливался овечий сыр – любимое кушанье сербского крестьянина... Сербия страна плодородная... Еще одно качество присуще сербскому народу: это замечательная честность; воровства здесь почти нет»²⁸. Очевиден подразумеваемый контекст сопоставления с реалиями жизни русских крестьян.

Постепенно даже у такого оптимистически настроенного человека, каким был Ящеров, стало проявляться разного рода недовольство. Еще не прозвучало первого выстрела, еще русские добровольцы не вступили в бой, как обнаружились серьезные недостатки организационного характера. Ящеров в связи с этим высказал критику в адрес Славянского комитета, откровенно намекая на халатное отношение к обязанностям. По словам мемуариста, «под названием “сборный пункт”, вероятно, вся читающая Россия подразумевала место, где добровольцы собираются, формируются в отряды, вооружаются и направляются к месту военных действий: следовательно, здесь уполномоченный славянских комитетов или его помощник, доверенный, назовите как хотите... Оказалось, что ничего подобного не было. Что нам собственным измышлением пришлось добратся до города пешком всею толпой – на это никто не был в претензии: какие подводки там, где все лошади и волю взяты в армию! Но чтобы некому было нас встретить на месте, указать помещение, руководить действиями нашими, этого никто не ожидал. А это было так! Господа уполномоченные русских комитетов, сидя в Белграде, упустили именно это из виду!»²⁹

Вообще из воспоминаний Ящерова складывается мнение, что волонтеры были предоставлены в Сербии сами себе. Несмотря на подобные трудности И.С. Аксаков продолжал обращаться к русскому обществу с призывами оказать материальную и во-

енную помощь славянам. В одном из таких документов отмечалось: «Московский славянский комитет взывает к русской общественной совести и молит о помощи жертвам восстания...»³⁰ В результате чего, действительно, желающих ехать на Балканы было предостаточно, но, прибыв на театр военных действий, в большинстве своем они были предоставлены сами себе. Поэтому, когда объединенные в отряды добровольцы под командованием М.Г. Черняева вступили в бой, они нередко показывали свою несостоятельность. Мемуары Ящерова это подтверждают. Он так описывает ситуацию с русскими добровольцами: «В Кладове мы нашли более сотни прежде прибывших добровольцев, которые тоже ждали. То есть без толку шлялись по “кафанам”, проедая все свои деньги в ожидании. Но никому не было до них дела. А как идти без провожатых, без пищи, без подвод, без оружия и куда? До сих пор вижу господина в цилиндре, в подбитом воздухом пальто, дрожащего от холода и просящего поделиться куском хлеба: у него не было ни гроша...»³¹ Впрочем, источники происхождения многочисленных проблем заключались не только в плохой организации добровольческого движения, но и в особенностях состава самих добровольцев. На их облик повлияли не только пропаганда славянских комитетов, информация прессы и настроения общественного движения, но и самый обыкновенный авантюризм. Не многие осознавали, что они делают на Балканах. Прозаик и публицист Григорий Де-Воллан в своих мемуарах так описывает русского волонтера, «случайно» отправившегося освобождать братьев-славян: «Один изящный, богатый офицер и не думал ехать в Сербию. Вся жизнь была для него поприщем радости и наслаждения. Он сознавался потом, что вся эта сербская история – ужасная глупость. Он возвращался с пирушки в Павловске, после музыки; какое-то грустное чувство овладело им, он не мог отделаться от него и на другой, и на третий день. Все казалось ему бессодержательно, мелко, пусто кругом. “Поеду в Сербию”, – решил он и поехал. А таких было много, и они делали свое дело»³². Но главное в том, что у русских добровольцев, рвавшихся на помощь славянам из самых разных побуждений, было совершенно неправильное понимание предстоящей войны и абсолютное незнание противника. Что собой представляет турецкая армия – «про то хорошо не знали: на месте будет виднее».

Лучше любого отрезвляющего действия на русских добровольцев оказывало появление первых раненых. Даже несмотря на то, что Ящеров был профессиональным военным и участником Венгерской кампании, он тоже был удручен: «При виде первых изувеченных не то чтобы боязнь овладела мною, но точно крючком зацепило сердце и потянуло медленно, медленно с места. И нам предстоит ли то же? Нет! Уж лучше смерть!»³³

Еще один факт, который заслуживает внимания, это столкновения на национальной почве. Между русскими добровольцами и сербами были моменты «выяснения отношений». Даже были случаи, когда волонтеры открыто называли сербов предателями. Но в данном конкретном случае речь шла о столкновении русских и поляков. По словам мемуариста, «разыгралась одна из безобразных сцен». Ситуация была «безобразной» еще и потому, что русские добровольцы считали, что дело освобождения славян должно исходить только от них и ни от кого больше. Ящеров так описывает эту сцену: «“Пустите! Всех побью! Как смеете вязать русского офицера!” – вопил он благим матом. Выговор так отдавал Варшавой, что сомненья не было: “русский буйан” был кровнейший поляк.

- Не смейте называться русским! – крикнул кто-то, зажимая ему рот»³⁴.

Столкновение с реальностью приводило к крушению иллюзий, а национальные стереотипы, которые по своей природе амбивалентны, начинали проявлять свою «обратную сторону»: «братья по вере», «братья-славяне», «угнетенные народы», «братушки» превращались в восприятии русских добровольцев в недисциплинированных воинов, плохих борцов за свою же собственную свободу и даже совсем не патриотов своего Отечества. Действительные причины взаимного охлаждения отношений, видимо, заключались в несовпадении представлений русских и славян о контурах национального строительства на Балканах. Распространенный в русском общественном сознании миф о славянском единстве вступал в противоречие с реальной сложной картиной их отношений³⁵; не принимались югославянской стороной и однозначные призывы к ориентации на православную религию (имеются в виду хорваты – католики). Кроме того, для болгар и сербов был естественен взгляд на Россию как всего лишь одну из внешнеполитических сил, на которые можно опереться.

В определенной степени воспоминания Ящерова это подтверждают. Пытаясь как-то объяснить поражение сербских войск и приданных им отрядов русских добровольцев, мемуарист отмечает: «...сама Сербия не может уже дать ничего, кроме второго и третьего класса войников. И что это за войники! оторванные от семьи, не умеющие взять ружья в руки, - могут ли они выдержать бойню?.. Видя пред собой “брата русса”, увлекаясь его отвагой, они на минуту одушевляются, в них пробуждается древний воинственный дух сербов, но это – мимолетная вспышка. “Брата русса” укладывает пуля, и робкий земледелец, бросив оружие, бежит»³⁶. Как видно, Ящеров виновником всех бед и поражений считал самих сербов, не умеющих, да и не желающих воевать. Мемуарист также недоволен тем, что этих «горе-вояк сербов» лучше кормят, чем их спасителей – русских³⁷.

Подобные настроения разделял в своих «Воспоминаниях» и князь В.П. Мещерский. Он писал, что главный недостаток сербской армии – «...это отсутствие чего бы то ни было похожего на патриотическое настроение во всех сербах, на спасение которых явился Черняев и явились сотни и тысячи русских добровольцев. А уж об отсутствии братского сочувствия к русским и говорить нечего: я его нигде не нашел в Сербии»³⁸.

Сам глава Московского славянского благотворительного комитета Аксаков мог судить о ведении боевых действий в Сербии только по корреспонденциям Черняева. А последний старался несколько залакировать действительное состояние вещей³⁹. Например, журналист Н.В. Максимов считал, что на какие бы единицы сербскую армию не делили, – получился бы один и тот же результат⁴⁰. Более того, он был совершенно убежден: «Горе армии (сербской армии. – *Авт.*) заключалось вовсе не в том, что она была разделена на бригады и батальоны; оно заключалось в том, что при наборе армии ускользнула целая масса здоровых, сильных, вполне годных в строй людей и ускользнула самым преступным образом»⁴¹. Интересные размышления о причинах взаимного непонимания русских и сербов можно встретить в мемуарах публициста Г.А. Де-Воллана: «Сербы не знали русского общества, не знали назревших в России вопросов, не знали стремлений русской молодежи. Для них впечатлительность русского образованного человека, требовательность его была новостью. Братья пришли и стали все мерить на свой аршин. Брать-

ям нужно скорее поспеть к Черняеву, им ничего не стоит загнать лошадь для такой цели. Что такое лошадь для русского? А для серба-поселянина это – все: на этом зиждется все благосостояние его семьи, а он любит свою семью больше всего... Серб видит одно разорение впереди, а у иных вырывается жесткое выражение: «Лучше турки, чем русские»⁴².

Вообще Ящеров старался в своих мемуарах сконцентрировать внимание на батальных сценах, описании подвигов, на полководческом даровании М.Г. Черняева, т. е. на чем угодно, только не на характеристике состояния русских частей. Красочно описывая прибытие в Сербию новых партий русских волонтеров⁴³, Ящеров не утруждал себя объяснить, почему добровольцы попадают на Балканы в таком плачевном обмундировании и почему Московский славянский комитет не обращает на них никакого внимания. Как ни удивительно, Славянские комитеты не оказали русским добровольцам должной помощи и даже бросили их на произвол судьбы. Разобраться в таком положении вещей не так сложно. Руководство Славянских комитетов было огорчено столь неудавшимся для России «блицкригом» на Балканском полуострове. Идея И.С. Аксакова, что турки «покатятся» к Константинополю, едва завидев русских волонтеров и сербские войска, была абсурдна с самого начала. Да и помощь «братьев славян» оказалось не такой существенной, как ожидалось ранее. С точки зрения русских добровольцев, сербы просто ждали, что свободу преподнесут для них русские как некий подарок, за который не надо страдать и умирать, а их действия ограничатся лишь «музыкой, звоном колоколов и служением молебнов»⁴⁴. Несмотря на всеобщее желание русского общества, воодушевленного призывами Славянских комитетов, оказать помощь братьям по вере, общая численность добровольцев на Балканах была невелика. Около 4 или даже 5 тыс. чел. не могли кардинально изменить сложившуюся ситуацию на сербо-турецком фронте. Кроме того, у Славянских комитетов появилось новое «увлечение» – «возрождением Болгарии»⁴⁵, на которую теперь переключалось их основное внимание.

Несмотря на то что мемуарист старался концентрировать внимание читателя на безукоризненном поведении русских волонтеров⁴⁶, существовали и абсолютно противоположные харак-

теристики. В.П. Мещерский писал от лица русского добровольца: «...я (имеется в виду русский доброволец. – Авт.) приехал сражаться, да; но я не хочу, чтобы у меня было отнято право располагаться своей личностью – и уходить, когда мне вздумается... Вот на этом-то праве “*поступить, куда я хочу*” и “*уходить, куда вздумается*” основали свои отношения к армии Черняева немало из добровольцев, и это-то, немислимое в действующей армии, начало ввело много и очень много путаницы и беспорядков в область штабного дела в Черняевской армии»⁴⁷.

Примерно такую же позицию в данном вопросе, как и кн. Мещерский, занимал русский писатель и публицист Г.И. Успенский⁴⁸. Он прибыл в армию генерала Черняева за несколько дней до ее разгрома под Джунисом. И на глазах Г.И. Успенского разворачивалась трагедия в рядах русских добровольцев. Это, безусловно, не могло не отразиться на взглядах публициста. Было совершенно очевидно, что русские добровольцы просто не готовы к войне, необходимо нечто большее, чем резкие безапелляционные высказывания и проклятия в адрес турок. Успенский так описывал обстановку в рядах добровольцев: «...возвращающиеся с поля битвы раздражены, оскорблены, обижены, недовольны тысячами вещей и лиц. Можно положительно сказать, что из всех приехавших в Сербию русских, в настоящую минуту не было ни одного, кто бы сказал о ком-нибудь хоть одно доброе слово, хотя каждый очень хорошо знает, что доброе слово можно и должно сказать о многом и о многих»⁴⁹.

Но, по мнению В.В. Ящерова, недостатки, если и присутствовали, то только в организационной составляющей. В частности, автор мемуаров жаловался на плохую экипировку⁵⁰. От всего остального Ящеров был в восторге. И от полководческого таланта М.Г. Черняева, и от поведения добровольцев, и от лазаретов, и от парадов.

Возвращение русских добровольцев в Россию было совсем не таким торжественным, как их отправка на Балканы. Из многочисленных источников следует, что все проходило достаточно тихо и буднично⁵¹. Но даже в этой ситуации Ящеров нашел причину радоваться. Если о рядовых добровольцах у него фактически нет ни слова, то очень подробно описан парад в Сербии 8 января 1877 г. Также в мемуарах Ящерова не представлен анализ неудач русских и сербских войск в 1876 г. Тем не менее, даже для

В.В. Ящерова было совершенно очевидно, что авантюра с добровольцами не удалась. В конце своих воспоминаний он вынужден был признать, что только объявление войны Турции со стороны России может исправить дело, а отряды русских волонтеров называются им «нестройными кучками и партиями»⁵².

Несмотря на то что мемуары В.В. Ящерова перенасыщены приукрашенными патриотическими настроениями и отличаются отсутствием в них серьезного анализа, тем не менее, они имеют свою ценность. Она заключается, главным образом, в характеристике Сербо-турецкой войны 1876 г. и добровольческого движения человеком из провинции. Безусловно, внешний лоск и парадная сторона дела доминируют в источнике, тем не менее, скрытая в нем информация выявляет многие критические моменты и по-своему дополняет ту мемуарную литературу, которая характеризует ситуацию на Балканах в 1876 г.

¹ См.: Кочуков С.А. Русские на Балканах в 1876 году в свете источников личного происхождения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История». Международные отношения. Вып. 1. Саратов, 2009. С. 65–69; Его же. Русский доброволец на Балканах в 1876 году (Письмо офицера Белевского полка Э.В. Гофману) // Славянский сборник. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2009. Вып. 8. С. 119–123; Его же. «За братьев-славян»: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в восприятии общества, власти и армии Российской империи. Саратов 2012; Его же. Русские добровольцы на Балканах в 1876 году (по материалам визуальных источников) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. В 4 ч. СПб., 2015. Ч. 2. С. 386–399.

² Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960. С. 260–307.

³ Никитин С.А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970; Его же. Россия и освобождение Болгарии // Вопросы истории. 1978. № 7; Его же. Русская политика на Балканах и начало Восточной войны // Вопросы истории. 1946. № 4; Козьменко И. Русское общество и апрельское болгарское восстание 1876 г. // Вопросы истории. 1947. № 5.

⁴ См.: Кузьмичева Л.В. Русские добровольцы в сербо-турецкой войне 1876 г. // Россия и восточный кризис 70-х годов XIX в. М., 1981.

⁵ См.: Поглубко К. Весна освобождения. Кишинев, 1978; ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 233.

⁶ Цит. по.: Фортунатов П.К. Война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1950. С. 42.

⁷ Козьменко И. Указ. соч. С. 97. Осторожные действия официального Петербурга были в какой-то степени продиктованы достаточно резкими заявлениями определенной части русского общества. А.Д. Градовский отмечал: «Уважение Европы нужно нам, несмотря на то, что по существенным вопросам внешней политики мы расходимся с ней, что по славянскому вопросу мы сталкиваемся с про-

тиводействием. Именно теперь, когда вопросы поставлены резко, необходимо, чтобы не было сомнений в качествах знамени, находящегося в наших руках, в нашей способности поддержать его и довести дело до конца. Необходимо, чтобы и на попрание славянского вопроса в нас видели силу европейскую, а не какую-либо иную, чтобы в нас видели соперника равнородного, а не пришельца из другой части света». (Градовский А.Д. Трудные годы. (1876–1880): очерки и опыты. М., 2007. С. 297).

⁸ Драгоманов М.П. Турки внутренние и внешние. Париж, 1902. С. 62.

⁹ На войну 1876 г. из России было отправлено 3992 чел., из них больше всего из Одессы – 2000 чел., из Москвы – 1176 и Петербурга – 816, соответственно. (См.: Кузьмичева И. Указ. соч. С. 91).

¹⁰ См.: ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 233. Л. 5.

¹¹ Там же. Л. 6–6 об.

¹² См.: Шипка и Плевна – слава русского оружия. М., 2003. С. 10.

¹³ Ящеров В.В. В Сербии 1876–1877 гг. Записки добровольца // Русский вестник. 1878. Кн. 1, 7.

¹⁴ См.: Ящеров В.В. В Сербии 1876–1877 гг. Записки добровольца // Русские о Сербии и сербах. СПб., 2006. Т. 1. С. 243–247.

¹⁵ Ящеров В.В. В Сербии 1876–1877 гг. Записки добровольца // Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение 1875–1878 гг. Самара, 2009. С. 237–297.

¹⁶ См.: Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение 1875–1878 гг. С. 35

¹⁷ Там же. С. 36.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 83. Л. 15.

¹⁹ Ящеров В.В. В Сербии 1876–1877 гг. Записки добровольца // Русский вестник. 1878. Т. 130. № 1. С. 188.

²⁰ Прошение отставного канцелярского служащего М.А. Липского: «Имею желание поступить в ряды русских добровольцев, сражавшихся против турок в княжестве Сербском, я покорнейше прошу комитет сделать распоряжение об отправлении меня куда следует и снабдить меня на экипировку и путевые издержки деньгами; т. к. я собственных средств на это не имею». (ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 233. Л. 5.); Прошение фельдшера А.Н. Черняева: «Имея в виду бедственное и несчастное положение в настоящее время наших единоверцев и желая верно служить в Сербии; по части фельдшерской... но не имея наличных средств проехать в Сербию, покорнейше прошу Комитет сделать распоряжения об отправке меня в Сербию на место военных действий и какое будет сделано распоряжение прошу меня уведомить». (Там же. Л. 6–6 об.)

²¹ Драгоманов М.П. Указ. соч. С. 62.

²² Ящеров В.В. В Сербии 1876–1877 гг. Записки добровольца // Русский вестник. 1878. Т. 130. № 1. С. 192–193.

²³ Там же. С. 192.

²⁴ Там же. С. 220.

²⁵ Там же. С. 196.

²⁶ Цит. по.: Кочуков С.А. Русский доброволец на Балканах в 1876 году (письмо офицера Белевского полка Э.В. Гофману) // Славянский сборник. Саратов, 2010. Вып. 8. С. 122.

²⁷ Ящеров В.В. В Сербии 1876–1877 гг. Записки добровольца // Русский вестник. 1878. Т. 130. № 1. С. 200.

- ²⁸ Там же. С. 201–202, 203.
- ²⁹ Так же. С. 203–204.
- ³⁰ Аксаков И.С. Собрание сочинений. В 8 т. М., 1886. Т. 1. С. 216.
- ³¹ Ящеров В.В. В Сербии 1876–1877 гг. Записки добровольца // Русский вестник. 1878. Т. 130. № 1. С. 204.
- ³² Де-Воллан Г.А. В Сербии. Недавняя старина // Русский архив. 1879. Кн. 2. № 7. С. 355.
- ³³ Ящеров В.В. В Сербии 1876–1877 гг. Записки добровольца // Русский вестник. 1878. Т. 130. № 1. С. 210.
- ³⁴ Ящеров В.В. В Сербии 1876–1877 гг. Записки добровольца // Там же. Т. 136. № 7. С. 22.
- ³⁵ Уже после окончания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. сербский генерал К. Протич писал: «Я зол на русских... Русские отнимают у сербов сербской кровью искупленные и освобожденные сербские земли, отдают их болгарам, мы вынуждены угрожать оружием, только чтобы их удержать, и это русские, – сербские друзья» (Станић М. Коста Протич о Русима // Мешовита грађа, Београд, 2003. Књ. XXI. С. 100; См.: Кузьмичева Л.В. Современные проблемы историографии и источниковедения Великого восточного кризиса 1875–1878 гг. // Россия и Сербия глазами историков двух стран. СПб., 2010. С. 107).
- ³⁶ Ящеров В.В. В Сербии 1876–1877 гг. Записки добровольца // Русский вестник. 1878. Т. 136. № 7. С. 32.
- ³⁷ Там же. С. 37.
- ³⁸ Мещерский В.П. Воспоминания. М., 2001. С. 366.
- ³⁹ См.: ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 2. Д. 53. Л. 14.
- ⁴⁰ Максимов Н.В. Две войны 1876–1878 гг... С. 189.
- ⁴¹ Там же. Н.В. Максимов называл еще одну слабую сторону сербской армии – дезертирство.
- «- Вы ранены, что ли?
- Ранены, господынэ, ранены! – таково жалостливо замотают сербы головами.
- Что же, все в руки ранены?
- У руки, господынэ, у руки.
- Ну-ка, покажи, разверни тряпку-то...
- Смотришь: между пальцами скользнула пуля, слегка задевши мягкую часть кисти. Отодранная когда-то от большого места покрылась уж пеленой новой, розовой кожицы». (Там же. С. 184).
- ⁴² Де-Воллан Г.А. Указ. соч. С. 356.
- ⁴³ Ящеров В.В. В Сербии 1876–1877 гг. Записки добровольца // Русский вестник. 1878. Т. 136. № 7. С. 44–45.
- ⁴⁴ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 332. Л. 13.
- ⁴⁵ См.: Кузьмичева Л.В. Русские добровольцы в сербо-турецкой войне 1876 г. С. 95.
- ⁴⁶ См.: Ящеров В.В. В Сербии 1876–1877 гг. Записки добровольца // Русский вестник. 1878. Т. 136. № 7. С. 48.
- ⁴⁷ Мещерский В.П. Правда о Сербии. СПб., 1877. С. 132. Выход, по мнению Мещерского, должен был заключаться в следующем: «Многие русские офицеры, сознававшие фальшивость положения русских добровольцев относительно главнокомандующего, высказывали мне то мнение, что следовало бы установить известную форму присяги знамени для всякого поступающего в армию, или же заставлять их подписывать известный договор, как это делалось в Америке, на

основании которого доброволец подчинялся безусловно всем правилам военной дисциплины» (Там же. С. 132).

⁴⁸ См.: Чешихин-Ветринский В. Глеб Иванович Успенский. Биографический очерк. М., 1929.

⁴⁹ Успенский Г.И. Из Белграда. (Письмо невоенного человека) // Отечественные записки. 1876. № 12. С. 172.

⁵⁰ По свидетельству мемуариста, «1 декабря нам выдали полушубки и шинели, но что за полушубки! Что за шинели! Без крючков, из мерзейших овчин; кожа шершавилась, шерсть лезла пучками... Невольно вспомнились мне великолепные черные и коричневые, расшитые шелками полушубки, присланные из Англии в распоряжение английского консула и английского лазарета в Белграде; я увидел, когда их выгружали. А нам дали шинели короткие, выше колена, без пуговиц; одновременно выдали сапоги, из которых лезли двутесные гвозди; через неделю они уже никуда не годились» (Ящеров В.В. В Сербии 1876–1877 гг. Записки добровольца // Русский вестник. 1878. Т. 136. № 7. С. 54).

⁵¹ Подробнее см.: Кочуков С.А. Русские добровольцы на Балканах в зеркале графики (1876 г.) // Славянский сборник. Межвузовский сборник научных трудов, 2015. Вып. 12. С. 90–101.

⁵² Ящеров В.В. В Сербии 1876–1877 гг. Записки добровольца // Русский вестник. 1878. Т. 136. № 7. С. 64.